

ПРОЩАЙ, ОЛЬГА!

Дейл Микелл и Джон Гудрич

Двое ученых отдают последнюю дань уважения и восхищения амурской тигрице, которую они знали и изучали в течение 13 лет

11 февраля 1992 г.

«Я только что стал одним из тех немногих людей, которые могут похвастаться тем, что на них рычал тигр. Я изо всех сил старался двигаться бесшумно по неглубокому снегу, когда тишину раннего морозного утра разорвал грозный рев. Рычание амурского тигра я слышал впервые в жизни, и осознание того, что тигр находится всего в 40 метрах, полностью парализовало меня. Я, бесстрашный, по общему мнению, биолог, застыл от страха, как загнанная мышь – от броска зверя никуда не спрятаться и никуда не убежать. Но даже если ей и хотелось бы наброситься на меня, это было невозможно: тигрица сидела в петле, установленной нами накануне рядом с изюбром, которого она ела».

«Я подошел ближе и, наконец, смог разглядеть самого большого тигра, какого я только мог представить (забавно вспоминать об этом – ведь она оказалась маленькой годовалой тигрицей). Она пристально смотрела на нас, припав к земле, переполненная страхом от приближения людей и

гневом от того, что мы нарушили ее пространство. На самом деле я был приманкой, отвлекающим фактором. Справа от меня, на том же расстоянии от тигрицы в кустарнике прятался Ховард Куигли. Пока она смотрела на меня, Ховард успел дважды выстрелить ей в плечо шприцом со снотворным. Под холодным февральским солнцем закипела работа: мы измерили ее, оценили состояние, взяли образцы крови и кожи и под конец надели радиоошейник, который будет посылать нам сигналы о ее местонахождении. Позднее, уже в сумерках, с безопасного расстояния мы видели как тигрица, которую мы назвали Ольгой, теперь уже в белом блестящем

ошейнике, пришла в себя и вернулась в лес к своей матери. Чувство удовлетворения и гордости было неопишваемым. Наш первый тигр получил радиоошейник!» (ДМ).

Так начал свою работу совместный российско-американский Проект «Амурский тигр» с участием специалистов из Общества сохранения диких животных (WCS) из Нью-Йорка и Сихотэ-Алинского заповедника из Тернея. Цели Проекта: изучить, понять и сохранить исчезающего зверя, который обитает только на Дальнем Востоке России. Так начались 13-летние отношения между одним тигром и целой группой людей. Для нас это стало отправной точкой в исследовании экологии и необходимых мер по охране одного зверя, и через нее – всех тигров. Нам посчастливилось наблюдать за тигрицей Ольгой в течение всей ее жизни: с годовалого возраста, в зрелые годы и в конце жизни. Она была нашим первым тигром, прожила дольше остальных и именно благодаря ей мы узнали очень много нового. Она была символом надежды. И хотя она никогда не понимала этого и возможно часто думала наоборот – мы были ее лучшими друзьями. 13 лет мы следили за ее жизнью, ее успехами и неудачами. Биологов считают нейтральными наблюдателями, но мы не были таковыми – мы всегда старались оберегать ее и ее потомство. Мы восхищались ею и из всех сил старались ее защитить. 13 лет мы, люди, старались предусмотреть и предотвратить все, что угрожало ей и ее собратьям. Но, несмотря на то, что мы сделали все возможное, этого оказалось недостаточно. 14 января 2005 г. Ольга встретилась с браконьером. Спустя 13 лет мы потеряли ее.

Нашу работу в Сихотэ-Алинском заповеднике несложно описать, но выполнять чрезвычайно трудно: необходимо выяснить, что нужно тиграм для выживания, и затем сделать все возможное для того, чтобы они действительно выжили. Мы стараемся понять основные потребности тигров, обитающих на северных окраинах мирового ареала, и затем разработать природоохранные программы, которые бы обеспечивали эти потребности.

Ольга была первым изучаемым тигром в нашем Проекте и первым амурским тигром с радиоошейником. И хотя наши взаимоотношения имеют долгую и богатую историю, их нельзя назвать продолжительными и близкими контактами. Это скорее «яркие отрывки» - короткие и насыщенные встречи, перемежающиеся долгими и порой утомительными периодами «наблюдений издалека»: прослушивание радиосигналов, рассматривание следов на снегу и земле. По этим крупницам мы пытаемся составить картину жизни тигрицы: что она делала, куда шла и о чем, возможно, думала. Наша задача – собрать все данные и составить представление об образе жизни и экологии конкретного животного.

Здесь мы описываем наши впечатления о каждой встрече с Ольгой и рассказываем о том, что узнали о ее жизни (в скобках указаны инициалы авторов). Это наши воспоминания о тигрице и о людях, на чью жизнь она повлияла.

15 мая 1992 г.

«Вчера Женя (Евгений Смирнов, биолог Сихотэ-Алинского заповедника и наш коллега) и я прибыли на кордон Уполномоченный, на северной границе заповедника. По радиосигналу мы определили, что Ольга находится на сопке к западу от кордона. Темнело. Где-то за деревьями в низине в нескольких сотнях метров от нас рявкнул изюбрь, предупреждая о том, что опасность рядом. Изюбрь кричал несколько минут, а затем как-то странно затих. Спустя сорок минут я услышал необычный голос тигра: короткий стон, сначала низкий, а затем переходящий на более высокую ноту: «Аауууу». Сначала я даже не понял, что это за звук, но, взобравшись на крышу избушки и разглядывая распадок в бинокль, я увидел тигра, уходившего с того места, где кричал изюбрь. Мы слышали мать Ольги: она шла по склону сопки и звала свою дочь. Спустя час она затихла, а мы проследили радиосигнал Ольги: она спустилась в распадок, следуя за матерью. Всю ночь мы слушали ее радиосигнал. На рассвете Ольга, возможно вместе с матерью, вернулась на сопку. Было пасмурно. Мы пошли в распадок, мокрый от утренней росы, и нашли остатки молодого изюбря-пантача. Задние ноги (около 40 кг мяса) были съедены. Тигрица-мать все еще добывала Ольге пропитание.

В этот вечер я поднялся на сопку, откуда открывался вид на пойму и сразу в бинокль увидел мать Ольги: она была в 500 м от меня и в 100 м от убитого изюбря. Я подумал: не потревожило ли ее наше посещение добычи днем, но тигрица выглядела спокойной. Она перевернулась с бока на бок, потом села и лениво оглянулась, затем снова легла на землю. В 300 м от нее по лугу на лошади ехал мужчина. Я видел с сопки их обоих. Ни всадник, ни лошадь не заметили тигрицу, а она, хотя и услышала незваных гостей, не проявила к ним никакого интереса.

Наконец Ольга вышла из кустарника, где отдыхала. Мать и дочь подошли друг к другу, коснулись носами в знак приветствия, а затем упали на землю и ласково потрепали друг друга лапами. Я видел белый ошейник на молодой тигрице – четкое свидетельство того, что Ольга и ее мать все еще вместе. Приветствие было кратким. Через минуту Ольга поднялась и направилась к остаткам изюбря. Она набросилась на него, как будто тренировалась и готовилась к тому дню, когда сама будет добывать себе пропитание. Еще один прыжок – и она исчезла в густой высокой траве.

Утренние облака рассеялись, и наступил дивный вечер: на западе садилось солнце, позади меня волны Японского моря набегали на берег Уполномоченного, и на горизонте медленно плыл рыболовный траулер на фоне почти полной луны. Я здесь, подумал я, и у меня есть возможность наблюдать за тигрицей и ее дочерью Ольгой, которые живут так, как жили все тигры тысячи и тысячи лет. Я не видел свою семью и своих друзей уже 4 месяца, и находился в культурной и языковой изоляции, ведь я знал всего несколько русских слов. Я был очень одинок. Но я не променял бы эти мгновения ни на что другое». (ДМ).

Когда я писал этот текст, Ольге был 1 год и 3 месяца. Это единственное наблюдение давало нам какую-то информацию о питании тигров и взаимоотношениях между тигрицей и ее потомством. У нас пока не было никаких данных о том, в каком возрасте амурские тигры покидают мать, но мы подозревали, что с Ольгой это случится довольно скоро. Что она будет делать? Уйдет ли она куда-нибудь далеко, где мы не сможем за ней наблюдать? Или она будет жить где-то поблизости? Когда это случится? В течение следующих 4 месяцев мы безуспешно пытались отловить мать Ольги и продолжали следить за ней самой.

23 августа 1992 г.

«11 дней мы идем за Ольгой. Нужно следить за ней, пока они с матерью не убьют изюбря, затем поставить петли в надежде отловить старшую тигрицу и надеть на нее радиоошейник. Мы несем в тяжелых рюкзаках не только личные вещи, но и все оборудование для отлова. На Уполномоченном на меня бросился медведь, который забрал у Ольги добытую ею жертву. К счастью в последнюю минуту он повернул в другую сторону. Мы уже очень устали от ежедневных походов по

ее следу с утра и до поздней ночи и круглосуточных наблюдений за ее передвижениями. Мы видели тигра на первой жертве, но он был очень далеко и мы не были уверены, что это Ольга или ее мать. Сейчас, в 16 км к югу, Ольга была уже на другой жертве. 20 августа на закате Женя, Дима (Дмитрий Пикунов, известный русский специалист по тигру, который работал в Проекте в самом начале) и я в течение 10 минут наблюдали за Ольгой, которая бродила по берегу моря в поисках чего-нибудь съедобного, выброшенного волнами. В тот день она была одна. Мы трое активно спорили – живет ли уже Ольга самостоятельной жизнью или нет – ведь это делало бесполезными наши попытки поймать ее мать, которой с ней не было. Эти постоянные споры были просто способом убить время, мы ждали – куда пойдет Ольга. Ведь даже если 20-го они не были вместе, есть шанс, что они встретятся на этой жертве.

Наконец она отошла немного от того места, где, по нашим предположениям, лежала добыча, и мы рассредоточившись двинулись на поиски, помня о недавней встрече с медведем. Наконец Смирнов увидел примятую траву, там, где тигрица волокла жертву, и мы быстро обнаружили убитого самца косули. Жертва была съедена всего наполовину, несмотря на то, что была убита как минимум два дня назад. Я спросил у Жени и Димы, сколько мяса, на их взгляд, было съедено? Женя сказал 20 кг, Дима – не более 15. По моим оценкам – около 14 кг. По небольшому количеству съеденного можно было предположить, что здесь был только один тигр. Найти следы в лесу было невозможно, но мы все пришли к мнению, что Ольга была здесь одна. Нет смысла пытаться ловить ее мать. Я взял челюсть косули для определения возраста (данные о половозрастных группах жертв тигров помогают нам понять влияние популяции тигра на популяции копытных), Дима взял рога (они являются ценным средством, применяемым в традиционной китайской медицине), а Женя хотел взять немного мяса. Я стал спорить с ним, приводя отчасти научные доводы (мы хотим знать, как часто тигр охотится, исходя из своих энергетических потребностей, а изъятие мяса портит чистоту эксперимента), но по большей части этические (тигр добыл еду, он успешный охотник и заслуживает вознаграждение). Женя нехотя согласился. Остатки добычи достались Ольге». (ДМ).

Ольга не привела нас к матери, как мы надеялись, но в процессе наблюдений мы многое узнали. Похоже, что Ольга покинула мать примерно в полуторагодовалом возрасте, намного раньше, чем бенгальские тигры (эта тенденция впоследствии была подтверждена на примере других молодых особей), но осталась на родной территории. Известно, что у некоторых видов крупных хищников мать оставляет часть своего участка дочери. Таким образом, у молодых самок есть преимущества: они хорошо знают свою территорию – где лучше охотиться, где – отдыхать, каких участков избегать. Такая информация повышает шансы на выживание молодых самок, что в свою очередь повышает шансы на успешное воспроизводство. Отдавая часть своего участка, мать может отчасти пожертвовать собственным благополучием, но повышает шансы на передачу своих генов следующим поколениям. Это и есть критерий успешного существования в природе.

Так случилось с Ольгой и ее матерью. В последующие годы мы неоднократно наблюдали такую модель поведения у других радиомеченных тигриц и их дочерей, но Ольга и ее мать впервые показали нам процесс наследования индивидуального участка по материнской линии в семье амурского тигра. С этого момента Ольга жила самостоятельно, расположившись на территории к северу от Тернея, где мы развернули свою научно-исследовательскую базу.

2 апреля 1994 г.

«Какое-то время я и Барт (Барт Слайер начал работу в Проекте летом 1993 г.) обдумывали сумасшедшие идеи, и сейчас собирались их воплотить. Мы хотим переметить Ольгу. В ее ошейнике садится батарейка, но нам так и не удалось поймать ее в петлю. Одного раза ей оказалось достаточно. Когда впервые у нас возникла идея «А почему бы не попробовать обездвигнуть Ольгу с вертолета?» – она показалась нам нереальной. Многие виды животных обездвигивают с вертолета, но такую работу всегда проводят на очень маневренных вертолетах высшего класса и на открытых пространствах – в тундре, саванне или пустыне, где деревья не закрывают обзор и где можно зависнуть прямо над животным. По нашим сведениям, никто никогда не пытался обездвигнуть зверя через густой полог умеренного леса. И уж точно никто не делал это с борта МИ-8, тяжелого российского вертолета похожего на бегемота, на котором мы летали. И когда однажды утром мы приступили к этой операции, я подумал, что мы точно сумасшедшие.

К счастью с нами был пилот, такой же сумасшедший, как и мы. Евгений Иркин, родственник Жени Смирнова,

большой почитатель тигров, был готов попробовать что угодно. Мы летели над сопками, где располагался участок Ольги, и вскоре услышали ее радиосигнал. Слушая его в наушниках через грохот вертолета, я показал Иркину направление, и он снизил вертолет, зависнув над верхушками деревьев, в то время как Барт, сидя у открытого люка, готовил ружье со снотворным. Накануне на тернейском аэродроме Барт тренировался стрелять с вертолета в картонную коробку, чтобы оценить, как сильно смещаются шприцы со снотворным от потока воздуха, создаваемого лопастями вертолета. И все же, попасть в коробку на открытом участке – это совсем не то, что стрелять в тигра, бегущего под покровом леса. Тем не менее, Барту чудесным образом удалось попасть в Ольгу с третьего выстрела. К сожалению, для полной иммобилизации требовалось попасть в тигрицу двумя шприцами. Ольга продолжала двигаться, убегая от преследования, но у Барта уже не было возможности для еще одного выстрела. И тут Ольга сделала то, чего мы никак не ожидали от тигра. Она запрыгнула на лиственницу, забралась до самых верхних веток на высоту 18 м над землей и стала рычать на надоедливого летающего монстра, бешено вращая хвостом пытаясь ударить его лапой. Барт делал выстрел за выстрелом, пользуясь тем, что на вершине дерева тигрица была более уязвима, но дикий ветер не давал попасть в цель. В конце концов, Ольга спрыгнула с дерева. В это время я был в задней части вертолета и быстро заполнял шприцы снотворным, чтобы передать их Барту для следующего выстрела. Наконец шприц достиг своей цели, но прошло уже достаточно много времени и мы не знали, насколько крепко уснет наша подопечная. Зацепившись за тонкий трос, мы вылезли из вертолета и начали спускаться вниз. Висеть в воздухе на такой высоте было страшно, но еще страшнее могло быть то, что ожидало нас на земле.

К счастью, снотворное подействовало, и мы провели все процедуры, как при обычном отлове. К полудню мы закончили работу и когда начали кружить над местом отлова, Ольга уже пробивалась сквозь снег, все еще ощущая слабость после наркоза, но совершенно здоровая и с новым ошейником. Теперь мы сможем наблюдать за ней в течение трех следующих лет». (ДМ)

Это событие стало решающим моментом в работе нашего Проекта, поскольку теперь у нас была возможность замены радиоошейников, и мы могли продлить срок изучения конкретного животного. Наши исследования больше не ограничивал срок работы батареек. Мы могли наблюдать за Ольгой и другими тиграми неопределенно долго, до конца их жизни и узнать всю информацию, которая так важна для их сохранения, ведь краткосрочные исследования не могут дать ответы на вопросы: Как часто

тигры приносят потомство в дикой природе? Сколько тигрят приносит самка в течение жизни? Как долго самцы могут удерживать свой участок и охранять его от конкурентов? Каковы основные причины гибели амурских тигров? Ольга дала нам ответы на все эти вопросы и многие другие.

Такие события, как отлов с вертолета, не только дали нам возможность заменять ошейники, это также изменило наши отношения внутри команды. Такое чувство сплоченности, возникающее в эти моменты, появляется, наверное, только у солдат на войне. И неважно, что мы – разношерстная команда русских и американцев – мы работаем вместе, и вместе рискуем жизнью, зависая над верхушками деревьев, выпрыгивая с большого неповоротливого вертолета и спускаясь на тонком тросе на землю, где можем встретиться со смертельно опасным зверем. Важно было верить и доверять человеку, который рядом с тобой, и даже несмотря на языковой барьер мы должны быть плечом к плечу. У «железного занавеса» прошлых лет не было никаких шансов разделить нас после одного такого полета. Мы были братьями.

Август 1994 г.

«Ольге уже 3 года, она взрослая тигрица и, мы надеемся, стала матерью. За последний месяц я три раза летал на АН-2 в поисках Ольги, и она все время держалась на небольшом участке, практически на одном и том же месте. После предварительной разведки Барт, Женя, я и телевизионная команда из «*National Geographic*» отправились на место. План был простой: дождаться пока Ольга уйдет на охоту, быстро проникнуть на ее участок, найти логово, убедиться, что у нее есть тигрята, определить их пол и возраст, и быстро уйти до ее возвращения. Мы также

надеялись заснять на видео месячного амурского тигренка (или тигрят) в природе, чего до нас никто не делал. Мы разбили лагерь возле старой лесовозной дороги, примерно в 300 м от предполагаемого логова, и попросили телевизионную команду запастись терпением, поскольку на все может потребоваться несколько дней. На самом деле, мы понятия не имели, как долго Ольга может обходиться без пищи, заботясь о своих малышах. Спустя три дня режиссер начал нервничать. Он платил съемочной группе по 200 долларов в день, привык кричать: «Мотор!» и получать результаты, а здесь ничего не происходило. Через 5 дней он уже был вне себя и пытался заставить нас спугнуть Ольгу с логова, что на самом деле было бы самоубийством. Мы снова уговаривали режиссера подождать, хотя теряли терпение вместе с ним. Напряжение росло. Наконец к вечеру 6-го дня голод дал о себе знать, и Ольга покинула логово. Было уже темно, когда ее сигнал затих, и Барт, Женя и я, светя фонариками, направились в лес на поиски логова. Тигриные следы и тропы были везде, но отыскать тигрят в кромешной тьме мы не могли. После часа безуспешных поисков в темном лесу мы вернулись на дорогу, где режиссер уже сходил с ума от беспокойства. Может быть, на поиски нужно привлечь больше людей? Вшестером мы вернулись на место. Как только мы дошли до той точки, откуда начали поиски, звукооператор с проклятиями провалился в какую-то яму рядом с поваленным деревом. Я направил свет фонарика в эту яму, и увидел смотрящие на меня из темноты два зеленых глаза. Обойдя поваленное дерево, я пролез между корнями и вытащил Дашу – красивого, сердитого и испуганного месячного тигренка. Какая это честь – держать на руках первенца Ольги!» (ДМ)

Мы знаем, что Даша (мы назвали тигренка в честь дочери Николая Рыбина, одного из наших сотрудников) дожила как минимум до годовалого возраста, но нам не удалось надеть на нее радиоошейник, поэтому ее судьба осталась для нас тайной. Это был первый из нескольких выводков Ольги. Всего за 13 лет наблюдений Ольга приносила потомство 6 раз и родила не менее 13 тигрят. По нашим данным 6 из них дожили до того возраста, когда тигры начинают самостоятельную жизнь. И хотя никто из них не носил радиоошейник, мы уверены, что некоторые сыновья и дочери Ольги продолжили ее род.

Терней – это небольшой поселок на берегу Японского моря, «штаб-квартира» Сихотэ-Алинского заповедника и то место, где мы живем. Как и во многих других небольших поселках в разных уголках мира, здесь любят посплетничать о соседях. После 70 лет жизни за «железным занавесом» в состоянии «холодной войны» с США иметь соседей-американцев – чем не повод для обсуждений? Стоит нам вернуться из леса и Жене Смирнову или Коле Рыбину рассказать кому-то о работе, как тот час же весь поселок говорит об этом. Это работает лучше, чем Интернет, мы даже иногда пользовались этим, чтобы рассказать об Ольге, которая довольно быстро стала хорошо известным членом тернейского сообщества. Люди могли остановить нас на улице, чтобы узнать как дела у Ольги. Она стала местной достопримечательностью. До нее тигры были неизвестной и опасной частью природы. А теперь вдруг один из них имеет имя и индивидуальность. По крайней мере, некоторые из наших соседей увидели тигра в совершенно новом свете – как объект изучения этих странных американцев, как объект внимания и интереса со стороны всего мира. Журналисты приезжали, чтобы задать вопросы о жизни тигра, телевизионные группы ходили по улицам Тернея не только, чтобы запечатлеть следы зверя, но и передать характер людей, живущих среди тигров. Терней неожиданно стал узнаваемым местом. Этот возникший интерес к далекому приморскому поселку не принес большой экономической выгоды в период хаоса пост-перестройки (как многие, возможно, надеялись), но он дал многим местным жителям повод для гордости – у них было то, чем интересуется весь остальной мир. Для деревенского жителя это значит намного больше.

Январь 1995 г.

«На прошлой неделе, мой друг Сергей Мартыненко, который держит ферму и охотится в долине Широкая, в самом центре участка Ольги, сказал мне: «Ты знаешь, не так давно я охотился в лесу и вдруг увидел Ольгу. Я инстинктивно вскинул ружье. Она стояла прямо предо мной, и я мог бы легко убить ее. Но потом я подумал: какого черта, я знаю тебя, я знаю ее, она не доставляет мне никаких проблем, и я решил, что все мы можем мирно жить вместе». И тогда я подумал про себя: один русский, один американец и один тигр. Если мы трое можем найти способ мирного сосуществования, то в этом мире и правда есть надежда». (ДМ)

10 октября 1996 г.

«Неделю назад мы начали отлов в надежде поймать годовалых тигрят Ольги в петли, установленные на добыче – так же, как Дейл когда-то пытался поймать ее мать. Мы определили местонахождение Ольги на рассвете: она была там же, где и вчера, предположительно на добыче (обычно тигры либо гуляют, либо едят на одном месте). К четырем часам вечера мы перенесли все наше оборудование для отлова на несколько километров выше по кл. Широкая от фермы Мартыненко. У нас оставалось совсем мало времени до темноты, чтобы поставить петли. В нескольких сотнях метров от нас кричали вороны, подтверждая наличие жертвы тигра. Мы шли на ее сигнал, сохраняя безопасную дистанцию и периодически крича: «Ольгаааа!». В 20 м метрах от нас взлетели три вороны, сигнал Ольги оставался неактивным и достаточно слабым, что означало ее отсутствие поблизости. Убеденный в том, что наши крики отпугнули ее, Коля Рыбин встал на бревно и вдруг неожиданно сигнал ее радиошейника зазвучал как колокол: тигрица оказалась очень близко, слишком близко. Оглушающий рык заполнил все пространство, затряслись кусты. Сверкнула как молния полосато-рыжая шкура, мы напрялись, выхватив фальшфейеры и перцовые спреи (безопасные средства защиты в таких случаях), готовые отразить атаку зверя, который, мы были уверены, сейчас бросится на нас из кустов. Но Ольга лишь выразила свое недовольство, что ее сладкий сон был так грубо нарушен. Мы смотрели на шевелящиеся кусты и слушали непрерывное рычание: Ольга и тигрята обходили нас и удалялись. Когда они отошли от нас на расстояние 40 м, рычание прекратилось, и наступила тишина. Коля вновь направился к «давленке» и Ольга опять зарычала, но продолжала уходить. Мы шли к ее добыче, пока она, судя по сигналу, была рядом, но рычания мы больше не слышали. Когда мы подошли к жертве, один из тигрят бросился от нее к Ольге. Вся семья была в сборе и, судя по слабеющему сигналу, удалялась от нас. Жертва оказалась молодым изюбром, почти полностью съеденным, поэтому мы решили не ставить петли, полагая, что тигры уже не вернуться. Оказалось, что Ольга спала на крутом скалистом берегу ручья, который, очевидно, и заглушал ее сигнал и наши крики». (ДГ)

Несмотря на значительные усилия, нам так и не удалось поймать тигрят Ольги – она была очень умной и всегда оберегала их (в этом смысле она превзошла свою мать). Несомненно, именно эта осторожность помогала ей избегать браконьерской пули в течение долгих лет. За 13 лет наблюдений, за исключением отловов, нам удалось увидеть ее всего 5 раз, и общая продолжительность визуальных контактов не превышала 15 минут.

8 января 1997 г.

Слушая затухающий радиосигнал Ольги, указывающий на то, что она покидает вершину сопки, где провела ночь, я с трудом поднимался туда на снегоступах, чтобы посмотреть, что она там делала. Больше всего меня интересовало, ходят ли с ней до сих пор двое ее тигрят или они уже начали самостоятельную жизнь. Я обнаружил две цепочки следов всего в 200 м от избушки. Я наклонился, чтобы измерить ширину отпечатка передней лапы на снегу – один след размером 9,2 см, вероятно, принадлежал Ольге, а другой – 10,8 см – скорее всего – ее сыну. В возрасте 1 год и 3 мес. размеры его лап и тела уже больше, чем у нее. Следов ее дочери не было. Я пошел дальше и, поднявшись на вершину сопки, остановился как вкопанный: в 30 м от меня под большой лиственницей свернувшись клубком крепко спал тигр. Очевидно, Ольга оставила своего сына и отправилась на охоту. Минут 10 я наблюдал за тигром, мое сердце бешено колотилось, и я боролся с искушением сделать еще несколько шагов вперед, откуда я смог бы сфотографировать его. Однако

мне пришлось бы продирается сквозь густой кустарник, скрывающий тигра, и этот шум уже точно разбудил бы его. С большой неохотой я тихо повернул назад (пусть лучше тигр поспит) и, пройдя по ряжу около 500 м, вышел на край обрыва, откуда открывался вид на Японское море. Вид был великолепный: острые скалы, покрытые снегом, на 15 метров выдавались в море. Три горала, потревоженные моим присутствием, проворно убежали по скалам, и снег каскадом сыпался из-под их копыт. Внизу, на небольшом пятячке, не замечая меня, мирно паслись пять пятнистых оленей. Я наблюдал за ними, пока они не исчезли в лесу, затем вернулся в избушку, где остановился на ночлег.

Снимая снегоступы, я смотрел на вершину сопки, откуда только что пришел, и вдруг на фоне вечернего неба увидел силуэт спускающегося по ряжу тигра, который шел точно по моим следам. Он дошел до обрыва и сел на краю на солнечном «пятячке» в том месте, где менее часа назад сидел я.

Я наблюдал за ним в бинокль, пока не стемнело, и удивлялся. Чувствовал ли он то же благоговение, что и я, сидя на краю обрыва? Наслаждался ли он прекрасным видом и чувствовал ли в своей душе такое же спокойствие и умиротворение, что и я? Или для него это просто хорошая точка обзора, откуда можно наблюдать за потенциальной добычей, томясь в лучах заходящего солнца? Наверное, все же последнее, но я, тем не менее, ощутил некое единение: находясь в одной и той же точке планеты, мы можем чувствовать одно и то же.

Той ночью я просыпался через каждые два часа и слушал сигнал Ольги. В 4:30 утра я вышел в морозную ночь, и звезды были такими большими и яркими, что казалось до них можно дотянуться рукой. Несколько минут я стоял в тишине, нарушаемой лишь далекими криками филина. Я включил приемник и был удивлен силой сигнала, как будто его источник был совсем рядом. Это была Ольга, и она была прямо здесь, где-то в темноте, и наблюдала за мной. Занервничав, я двинулся к двери, вглядываясь в темноту. Я мог бы увидеть ее, только если бы она сама этого захотела, но это не входило в ее планы. Через несколько минут ее сигнал участился и стал ослабевать: Ольга уходила. На следующее утро я нашел ее следы и следы ее сына в 40 м от избушки. Я прошел по их тропе 100 м и обнаружил остатки козули, которую они ели ночью. Следы охоты были четко видны на свежем снегу. После небольшого скрадывания, Ольга выпрыгнула из кустов, сделала 10 прыжков, преодолев 50 м, и схватила добычу. Ее следы во время заключительного броска представляли собой глубокие отверстия в снегу, оставленные 140-килограммовым тигром, приземляющимся на снег метровой глубины и вновь выпрыгивающим из него. Кровавая дорожка указала на укромное место, куда Ольга перетащила козулю. Припрятав добычу, она вернулась на вершину сопки за своим сыном, а затем они вдвоем съели все за один присест. Я прошел по их следам и увидел, что они подходили к остаткам кабана, съеденного ими три дня назад, а затем вернулись на вершину сопки по моим следам от снегоступов, оставленным накануне. Они ставили лапы точно в мои следы, поскольку легче всего идти там, где снег утрамбован, и создавалось впечатление, что тигры шли по лесу в снегоступах.

Ольга с сыном ушли на север. Я тщательно обследовал вершину сопки, где они провели последние несколько дней, и обнаружил остатки еще одной козули. Таким образом, за пять дней они съели одного взрослого кабана и двух козуль. Всю работу по добыче выполняла Ольга, оставляя неопытного сына на сопке во время охоты. Позднее, этой же зимой, мы нашли следы Ольгиной дочери, которая по какой-то причине ходила отдельно и пропустила пиршество последних дней». (ДГ).

17 марта 2002 г.

Сегодня, спустя 10 лет 1 месяц и 6 дней после ее первого отлова, мы поймали Ольгу в пятый раз. Я был напуган до смерти – не от того, что верхушки деревьев часто оказывались всего в нескольких метрах от винта вертолета, и не от того, что порывами ветра нас буквально сносило на сопку, и не от свирепого взгляда Ольги, наблюдавшей за мной, спускающимся на тросе, как червяк на крючке, на землю примерно в 30 м от нее, а от мысли, что мы можем потерять Ольгу. Она уже не молода – ей 11 лет. Что если стресс от поимки и наркоза окажется слишком тяжелым для нее? Мы приступили к отлову, следуя строгим правилам: если Барт не сможет попасть в нее шприцом в течение 10 минут, мы прекращаем работу и возвращаемся на следующий день. Если тигрица находится в состоянии стресса, напугана и устала или у нас есть хоть малейшее подозрение, что что-то может пойти не так, как надо, – мы останавливаем процесс. Ведь это уже четвертая попытка поймать Ольгу в этом году. Первый раз ей удалось скрыться в хвойном лесу, во время еще двух попыток у нас не было ни единой возможности попасть в нее. После четырех обездвиживаний с вертолета Ольга очень хорошо знала, как увернуться от выстрела и очень часто прятала свой зад, куда мы целились, под поваленными деревьями или в кустах, в то время как неопытные тигры часто поступают наоборот и прячут голову. Иногда я думал, что мы слишком осторожны, но в следующий момент меня охватывал страх, что мы недостаточно осмотрительны. Однако сегодня нам повезло: она не пряталась, и Барт попал точно в цель. Мы дали ей кратковременный наркоз, только для того, чтобы поменять ошейник и сразу отпустить. Она была в хорошей физической форме, но все же 11-летний возраст давал о себе знать: шкура немного обвисла, мех стал совсем светлым, немного выступали кости. Ольга стала сама по себе иконой, символом сохранения тигра в России. Держа ее голову на коленях и меняя ошейник, я попросил прощения за вторжение в ее жизнь. Но периодические неудобства, которые мы

периодические неудобства, которые мы

причиняли ей, меняя ошейник раз в три года, не были напрасными. На самом деле мы надеялись, что благодаря нашей работе вскоре весь ее участок официально станет охраняемой территорией, и в старости она сможет жить и растить последних тигрят в безопасности и изобилии. Ее новый усовершенствованный ошейник мог работать до достижения тигрицей 16 лет, возраста, до которого амурские тигры в природе доживают редко. Это был последний раз, когда кто-то имел шанс обнять ее за голову, и я горжусь, что мне выпала такая честь». (ДГ)

Сентябрь 2004 г.

Вот уже более 4 лет мы пытаемся найти способ охраны индивидуального участка Ольги. В 1992 г. эта территория была местом зимовки изюбрей, косуль, пятнистых оленей и кабанов. В прибрежных лесах и лугах было много добычи для Ольги и ее матери, а потом для Ольги и ее тигрят. Здесь сохранились прекрасные места, но копытных больше нет. Тяжелая экономическая ситуация 1990-х годов, свободная продажа огнестрельного оружия, прокладка дорог и покупка внедорожников из Японии привели к тому, что участок Ольги, расположенный вблизи Тернея, стал популярным местом легальной и нелегальной охоты. Осознавая тот факт, что охотники – это те люди, которые определяют судьбу тигра (ведь браконьеры появляются из их числа), мы разработали природоохранную программу, целью которой является поддержка и повышение качества управления охотничьими ресурсами в ареале амурского тигра. Мы убеждены, что повышение численности копытных выгодно и охотнику, и тигру, и таким образом можно смягчить конфликт между ними. Мы проводили совместную работу с районным охотоведом Тернейского района Владимиром Величко, убеждали его в необходимости закрытия лесных дорог, открывающих доступ к ключевым местообитаниям тигра и копытных. Закрыв дороги, можно создать «зоны покоя», где копытные будут активно размножаться, а затем расселяться на неохраняемые территории. Для тигров такие «зоны покоя» станут оазисами, свободными от вмешательства человека, где можно успешно охотиться. При нашем содействии Величко закрыл дороги, обеспечив «де факто» охрану двух крупных бассейнов рек, но когда мы попытались добиться закрытия дороги на Тавайзу и Широкою, где расположена центральная часть участка Ольги, то встретили большое сопротивление. Затем, два года назад к нам обратились из районной администрации с просьбой помочь наладить охрану данной территории. Мы были очень рады и надеялись, что при поддержке местных властей сможем добиться каких-то результатов. Оперативно были изысканы средства на реализацию этой идеи. Был построен кордон для сотрудников, которые будут контролировать проезд по дороге на Тавайзу, начат учет численности копытных для последующего наблюдения и оценки наших успехов, наняты местные инспектора для патрулирования территории. Наши планы по превращению этих угодий в заказник получили поддержку и в краевой столице. Но впоследствии поддержка на уровне районной администрации исчезла, а новые краевые власти оказались гораздо более заинтересованными в освоении земель, чем в их охране. Между землепользователями начались споры, и сегодня, несмотря на все нашу работу в течение двух лет, мы понимаем, что не смогли ничего добиться. Это было большим разочарованием, ведь мы были так близки к цели». (ДМ)

Январь-март 2005 г.

Роман Кожичев (выпускник университета, который участвует в нашей программе по подготовке российских биологов и экологов) только что вернулся после полета, во время которого мы собираем радиолокации наших тигров. Он сообщил, что в этот раз не смог обнаружить Ольгу. В этом нет ничего необычного, когда во время планового полета мы можем пропустить какого-то тигра – они могут уходить на окраину своего участка или просто находиться там, где сигнал блокируется. Но каждый раз, когда это происходило с Ольгой, мы чувствовали напряжение. Она была самым старым нашим тигром (14 лет), и хотя никто точно не знает, сколько живут амурские тигры в природе, мы понимали, что она доживает свои последние годы. Когда она пропадала, мы беспокоились.

Через неделю Роман вернулся с полета с теми же новостями: Ольги нет. Появился реальный повод для беспокойства. Может быть, она покинула свой участок, чего раньше не случалось (но Ольга часто делала какие-то вещи, о которых мы узнавали впервые), поэтому мы отправили Романа на поиски в третий раз с одной целью – найти Ольгу. Он тщательно обследовал весь участок тигрицы и близлежащую территорию, но ничего не нашел. Сергей Мартыненко, наш давний друг с урочища Широкая, сказал, что этой зимой в лесу очень много браконьеров. Были проложены новые лесовозные дороги (то, что мы пытались предотвратить), которые открыли доступ браконьерам в тайгу.

Тем не менее, надежда не покидала нас. Возможно, у нее сломался ошейник. Возможно, она еще появится. Мы предприняли еще несколько попыток найти ее с воздуха, но все было безрезультатно. В апреле мы получили самые плохие новости от Сергея: в урочище Широкая обитает новая тигрица. Возможно, у нее уже есть тигрята, возможно, нет, но она стала подходить очень близко к его ферме. Люди видели ее из окна избушки, и на ней не было ошейника. Поскольку тигр –

территориальное животное, то присутствие новой самки на этой территории могло означать только одно – Ольги больше нет.

Мы уже сталкивались с этим неоднократно. Казалось, что тигр просто исчез, и мы надеялись, что он, возможно, ушел на новый участок, или у него сломался ошейник. Но со временем появляются новые сведения. В таком небольшом поселке секреты долго не хранятся. Кто-то сказал кому-то, что в таком-то месте он убил тигра с радиоошейником. В конце концов, кто-нибудь рассказывает об ушной метке или называет номер татуировки, которую ставят на животное в целях идентификации. Такие данные могут быть только у тех, кто держал этого тигра в руках. Таким образом, факт браконьерства подтверждается. Прямых доказательств, достаточных для преследования по закону, нет, но правда всегда всплывает. Из 23 погибших тигров с радиоошейниками 17 (74%) были убиты браконьерами. Пока у нас нет информации об Ольге, но, к сожалению, мы знаем, что со временем она появится.

23 апреля 2005 г.

«Я сижу за компьютером, когда звонит телефон. Это Смирнов: «Джон, мне только что позвонили из ФСБ. 14 января на перевале Тавайза охотник видел двух тигров. Он попытался убить их обоих, но застрелил только одного, с радиоошейником. Он сжег ошейник, и впоследствии продал шкуру. Информация неофициальная и мы не можем использовать ее, но, по крайней мере, мы знаем что-то». Я знаю наизусть дату и место последней локации Ольги: 11 января 2005 г., ключ Тавайза. Надежда умерла. Я повесил трубку, сел в кресло и посмотрел в окно. Я видел небольшую сопку, где много лет назад поймали Ольгу, и вершину, на которой встретил ее спящего сына, свернувшегося клубком под большой лиственницей. Я надеялся, что вот так же мы когда-нибудь найдем Ольгу, умершую от старости. Мне невыносимо от одной мысли, что ее шкура висит у кого-то на стене.

Количество убитых тигров с радиоошейниками возросло до 18 особей, что составляет 78%. Ольга стала статистикой.

В течение многих лет люди спрашивали меня, как долго ты будешь работать в России? Я часто отвечал: до тех пор, пока Ольга не умрет от старости. Сейчас такой ответ невозможен. Ольги больше нет, и я спрашиваю себя: должен ли я остаться? В такие дни, как этот, поглощенный печалью и разочарованием, мне хочется собрать все вещи и уехать домой». (ДГ)

Возможно, это упрямство, возможно, глупость, но вместо того, чтобы уехать, мы стараемся

сделать больше. Гибель Ольги, как ничто другое, заставило нас осознать, что, несмотря на наши успехи, которых мы добились за 13 лет работы, нужно еще очень многое сделать, для того, чтобы создать мир, в котором дочь Ольги, или ее внучка смогут дожить до глубокой старости.

С тех пор мы говорим простым людям и чиновникам, которые готовы слушать: «Тигры в России не умирают от старости, они погибают от рук браконьеров». По большей части это правда, но есть в нашем утверждении невинная ложь, и имя ей – Ольга. Ольга прожила дольше всех наших тигров и так долго бросала вызов печальной статистике, что мы считаем ее умершей от старости. Ни один наш тигр с ошейником не прожил больше 6 лет. Ольга была с нами 13. Она была исключением из правил. Она была для нас символом стойкости и способности жить бок о бок с человеком. Впервые мы надели ей радиоошейник в 1992 г., она жила на неохраняемой территории, где промышляло немало охотников, и пасся домашний скот. Но в течение 14 лет она избегала встреч с охотниками и лишь однажды напала на корову, пытаясь накормить своих тигрят. Ее существование на фоне собратьев, погибающих от браконьерских пуль, символизировало для нас борьбу за спасение последних в мире тигров, несмотря ни на что. Это была большая честь – наблюдать за ней в течение стольких лет, и очень грустно, что мы не смогли стать свидетелями ее более достойной гибели.

Как остановить браконьерство? Необходимы эффективные законы, для того, чтобы увеличить штрафы и дать возможность инспекторам ловить браконьеров. В настоящее время, для того, чтобы доказать вину браконьера, инспектор должен застать его в момент выстрела в тигра в присутствии двух свидетелей (просто наличия у него туши тигра недостаточно).

Неравнодушные к судьбе тигра люди по всему миру часто хотят, чтобы как можно больше средств было выделено на борьбу с браконьерством. Больше строгих законов, больше инспекторов охраны, больше ответственных за охрану природы чиновников. Но по ряду причин такой подход в России не дает достаточных результатов. Территория, на которой обитают тигры, огромна (180 000

км²), и просто невозможно охватить ее всю инспекторами охраны.

Мы считаем, что нужно изживать саму традицию браконьерства и социально-экономические причины, лежащие в ее основе. Одних только законодательных мер недостаточно. Необходимо, чтобы местное население гордилось своим природным достоянием, и было нетерпимо к тем, кто хочет его уничтожить. В разговоре с местными охотниками в Тернее мы часто слышали признание: я бы убил тигра, но только не Ольгу. В тот момент мы понимали, что если бы могли наделить каждого тигра, как и Ольгу, неповторимыми чертами и сделать его таким же узнаваемым, то браконьерству пришел бы конец. Но очевидно, что этого недостаточно. Необходимо, чтобы охотники понимали, что соблюдение законов выгодно им в долгосрочной перспективе, потому что они охраняют свои богатства. Браконьерство исчезнет только тогда, когда общество перестанет относиться к нему терпимо. Мы верим, что это случится, но для изменения сознания требуется время и контроль за строгим соблюдением законов.

Кроме этого, очень важно найти экономический стимул, чтобы местным жителям было выгодно сохранить тигра и тайгу. Если люди бедны и им нечего есть, не имеет значение их восхищение тигром, ведь его можно продать за наличные на азиатских рынках, где части тигра ценятся как сырье для традиционной медицины. У живого тигра должна быть своя цена – как с экономической, так и с этической точки зрения. Для этого мы создаем в поселках небольшие предприятия, чья эффективная деятельность будет зависеть от наличия тигров. Мы будем сертифицировать лесные территории, если на них обитает достаточное количество тигров, а затем охотпользователи будут продавать свою продукцию и услуги, произведенные на этой сертифицированной территории (дикоросы, экологические туры и даже трофейную охоту на разрешенные виды животных) под маркой «Вместе с тигром». Мы хотим, чтобы потребители всего мира вкладывали деньги в сохранение тигров, покупая товары и услуги под этой маркой. Мы говорим местным жителям: если на вашей земле есть тигры, мы можем помочь вам экономически. Мы говорим людям всего мира: если вы цените дикую природу и тигров, вы можете помочь им, покупая такую продукцию. В этой системе нет места браконьерству, поскольку если такой инцидент произойдет, то сертификат будет аннулирован. Такова

экономическая сторона охраны природы.

На сегодняшний день в рамках нашего Проекта мы поймали уже больше 60 тигров, но Ольга была нашим «первенцем», и, как первая любовь, всегда будет отличаться от остальных. Евгений Смирнов, который все эти годы был нашим российским координатором, ушел на пенсию. Как и мы, он измерял время в «Ольгиных годах». Как и мы, он всегда говорил, что хотел бы, чтобы наша работа продолжалась так долго, пока Ольга не умрет от старости. Он мечтал, чтобы его сын Коля, которому было 4 года, когда мы начали наш Проект, вырос и продолжил изучение тигра в Сихотэ-Алинском заповеднике. Сейчас Коля уже учится в университете, но он не будет наблюдать за Ольгой, как его отец. К сожалению, мы уже знаем конец ее истории. Мы потеряли Ольгу, как и многих других тигров, убитых браконьерами. Но мы еще не знаем конца всей истории амурского тигра. Наша задача – передать следующее поколение российских тигров следующему поколению российских граждан и всему миру. По крайней мере, сейчас мы знаем, что несколько дочерей и сыновей Ольги живут так же, как жила она, как ее мать, и как жили веками все тигры. Они все так же охотятся в Уполномоченном и гуляют недалеко от владений Сергея Мартыненко. Мы должны сделать так, чтобы эти традиции сохранились, а браконьерство исчезло. Ольга, мы сделаем все, что в наших силах”.